

Н.Г. Коновалова
Москва

К вопросу об источниках Ибн Фадлана о народах Восточной Европы*

Ибн Фадлан был первым – из известных нам – арабским путешественником, побывавшим в Восточной Европе. Это важное обстоятельство коренным образом повлияло на оценку достоверности приводимых им сведений о восточноевропейских народах. Начиная со ставшей классической работы выдающегося российского востоковеда и этнолога академика Х.М. (Х.Д.) Френа (Frahm 1823), в многочисленных статьях и книгах неоднократно поднимались проблемы, связанные с выявлением источников отдельных сообщений Ибн Фадлана о народах Восточной Европы или его терминологии (Арапов 1999, 3–14). То обстоятельство, что «Записка» (*Risalat*) – отчет Ибн Фадлана о путешествии – опиралась на личные впечатления автора, побуждало исследователей ограничиться простой констатацией данного факта и тем самым почти автоматически снимало вопрос о специальном исследовании его личных возможностей для получения информации. Между тем в «Записке» Ибн Фадлана содержится немало данных, могущих пролить свет на такие важные для анализа его сведений детали, как состав ближайшего окружения Ибн Фадлана во время поездки из Багдада в Волжскую Булгарию; круг собеседников с которыми он вступал в контакт на разных этапах путешествия; его собственные лингвистические возможности, сфера преимущественных интересов Ибн Фадлана, оказавшая прямое влияние на характер его впечатлений.

Как известно, Ибн Фадлан посетил Волжскую Булгарию в составе посольства багдадского халифа. Сама поездка была предпринята по инициативе правителя Волжской Булгарии Алмуша, который, желая освободиться от власти хазар, решил искать помощи халифа ал-Муктадира (908–932) и обещал принять ислам. Для этого в 921 г. он направил послов в Багдад, прибегнув к посредничеству среднеазиатских правителей Саманидов, поддерживавших устремления болгарского царя. Из Багдада в июне 921 г. отправилось ответное посольство, во главе которого стоял некий Сусан ар-Раиси, а секретарем посланцев выступил не известный нам по другим источникам Ибн Фадлан. Посольство халифа двигалось из Багдада через Хамадан, Рей, Нишапур, Мерв, Бухару, далее по Амударье до Хорезма, а затем через плато Устюрт, земли гузов и башкир в обход Хазарии добралось до Волжской Булгарии в мае 922 г. О датах и маршруте обратного пути посольства ничего не известно, поскольку заключительная часть «Записки» не сохранилась (о том, что Ибн Фадлан довел свой рассказ до возвращения в Багдад, мы знаем со слов багдадского энциклопедиста первой трети XIII в. Йакута, в сочинении которого сохранилась одна из версий «Записки»).

* Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 04-01-00228а)

В Багдаде Ибн Фадлан составил отчет о поездке на Волгу. Посольство носило официальный характер, поэтому при написании отчета Ибн Фадлан должен был ориентироваться, прежде всего, на официальных лиц и придворные круги Багдада. Поскольку политические результаты посольства равнялись нулю, отчет о нем не привлек особого внимания и в самом Багдаде. Ни один из мусульманских писателей X – начала XIII в. (т.е. до ссылки на Ибн Фадлана в «Словаре» Йакута) не упоминает ни о посольстве халифа ал-Муктад на север, ни об Ибн Фадлане и его «Записке». В связи с этим А.П. Ковалевский считал, оригинал сочинения Ибн Фадлана «безвозвратно погиб», а дошедшие до нас рукописные материалы представляют собой сокращенные и отредактированные версии первоначального варианта отчета или его фрагментов (Ковалевский 1956, 49).

«Записка» Ибн Фадлана, быстро забытая в Багдаде, бытовала – в сокращенном, пересказанном – в Средней Азии. По меньшей мере один экземпляр «Записки» попал в Бухару, где во второй половине X в. был включен в сборник географического содержания. Составителем сборника был какой-то бухарский вельможа, вероятно, вазир одного из саманидских эмиров, адресат двух последних арабского путешественника X в. А. Дулафа, помещенных в этом же сборнике (Ковалевский 1956, 46–47). До начала XII в. этот сборник оставался в частной библиотеке и пользовался популярностью: по слову Йакута, он побывал «в руках у многих» (Ковалевский 1956, 48). Один экземпляр сборника из библиотеки некоей Хатун из Мерва пережил монгольское нашествие и уже в XVI в. попал в Мешхед.

А.П. Ковалевский, подготовивший комментированный перевод Мешхедской рукописи, пришел к заключению, что она представляет собой редакторскую переделку, в которой «налицо и пропуски и, может быть, даже нарушение первоначального плана» (Ковалевский 1956, 40–41). Редактор сборника сократил прежде всего то, что жителям Бухары было хорошо известно (в частности, описание пути посольства из Багдада до Бухары), также те сведения, которые уже утратили актуальность в его время, прежде всего историю посольства как такового. Именно Мешхедская рукопись, либо сборник, аналогичный Мешхедскому, послужил тем источником, откуда делал свои выписки Йакут. В и редактора сборника, Йакута в тексте Ибн Фадлана мало занимало все, касавшее посольства; сделанные им выписки посвящены описанию стран и народов, которые посетил Ибн Фадлан.

Сообщения, заимствованные – в сокращенном виде – из сочинения Ибн Фадлана имеются у двух персидских авторов – Наджиба Хамадани (вторая половина XII в.), автор космографического «Диковинки творений», и Амина Рази (конец XVI в.), составившего энциклопедического характера «Семь климатов». При этом оба они сами непосредственно сочинением Ибн Фадлана не пользовались, а заимствовали из какого-то промежуточного источника, написанного не позднее середины XII в. и восходящего к более полному, чем Мешхедская, редакции «Записки» Ибн Фадлана (Ковалевский 1956, 41).

Таким образом, в настоящее время в распоряжении исследователей имеют несколько версий, с разной степенью полноты передающих утраченный оригинал текста Ибн Фадлана «Записки», сохранившаяся в составе Мешхедской рукописи; выписки же, сделанные в начале XIII в. Йакутом, сообщения Наджиба Хамадани и Амина Рази, восходящие к более полной, чем Мешхедская, редакции сочинения Ибн Фадлана.

А.П. Ковалевский отмечал, что вопрос о принадлежности Ибн Фадлану тех или иных материалов, отсутствующих в Мешхедской рукописи, но приписываемых Ибн Фадлану,

Йакутом, очень непрост. В частности, в своем первом издании перевода он выражал сомнение в том, что Ибн Фадлан мог быть автором первой части приписываемого ему Йакутом рассказа о хазарах (Путешествие 1939, 22), а во втором – оставил ее в тексте (Ковалевский 1956, 148).

Дальнейшие исследования подтвердили сложность вопроса о соотношении двух основных версий текста Ибн Фадлана – по Мешхедской рукописи и «Словарю» Йакута. Так, С. ад-Даххан, издавший текст Мешхедской рукописи в 1959 г. в Дамаске, не стал включать в нее приписываемый Ибн Фадлану Йакутом рассказ о хазарах (Рисалат 1959, 172). Д.Е. Мишин, детально рассмотревший все случаи употребления этнонима «сакалиба» в «Записке» Ибн Фадлана, также пришел к выводу, что в ряде случаев с определенностью утверждать, принадлежит ли спорный фрагмент Ибн Фадлану или Йакуту, весьма затруднительно (Мишин 2002, 29–33).

О самом Ибн Фадлане известно немного. Его полное имя – Ахмад Ибн Фадлан Ибн Аббас Ибн Рашид Ибн Хаммад. В заголовке «Записки» Ибн Фадлана, а также в одной из ремарок Йакута Ибн Фадлан назван «клиентом Мухаммада Ибн Сулаймана», отождествляемого с халифским полководцем, под руководством которого были совершены походы в Сирию и Египет в 905 г. Кроме того, из помет редактора Мешхедского сборника следует, что Ибн Фадлан имел нисбу «ал-Хашими», т.е. носил почетный титул «клиента халифа».

Ибн Фадлан был другим арабом и, насколько можно заключить из его сочинения, какими-либо другими языками, кроме арабского, не владел. Непосредственно Ибн Фадлан говорил только с носителями арабского языка – своими полутчиками, а также жителями мусульманских стран, по которым проезжало посольство (Ковалевский 1956, 122–125).

Спутниками Ибн Фадлана по путешествию, с которыми он выехал из Багдада, были Абдаллах Ибн Башту ал-Хазари – посол «от владетеля славян» к халифу ал-Муктадиру; Суван ар-Раиси – посол халифа к болгарам; не названный по имени свояк посла, не игравший в дальнейшем никакой роли; Такин ат-Тулки, гуляма, обретавшийся при дворе халифа, по имени Барис ас-Сакалиба; факихи (знатоки мусульманского права) и му'аллимий (религиозные наставники), а также какие-то «отроки», выполнявшие функции слуг и охранников. Факихи, му'аллимий и отроки сопровождали посольство лишь до ал-Джурджани (Старый Ургенч), а дальше не поехали. В ал-Джурджани путешественники наняли проводника – местного жителя по имени Фалус.

Из всех этих лиц наиболее важной для Ибн Фадлана фигурой был Такин ат-Тулки («Тюрк»). Он когда-то жил в Хорезме, был там кузнецом и по роду своих занятий был знаком «с продажей железа в стране неверных» (Ковалевский 1956, 123) т.е. тюрк. Кроме того, по данным Наджиба Хамадани, Такин некоторое время жил в Волжской Булгарии, где находился на службе у царя болгар (Ковалевский 1956, 221. Комментарий: 588). Такин знал тюркские наречия и выступал в качестве переводчика для Ибн Фадлана во время поездки из ал-Джурджани в страну тюрк (Ковалевский 1956, 125).

Ибн Фадлан мог непосредственно общаться и с Барисом ас-Сакалиба, который, по всей вероятности, владел арабским языком, поскольку был халифским гулямом. По предположению А.П. Ковалевского, Барис был этническим болгаринном (Ковалевский 1956, 124), что делает его одним из возможных информаторов Ибн Фадлана о народах Восточной Европы, прежде всего – о булгарах. В самой Булгарии у Ибн Фадлана был еще

один собеседник, с которым он мог свободно разговаривать, — живший у царя «славян» портной, выходец из Багдада (Ковалевский 1956, 135).

Рассказ Ибн Фадлана пестрит упоминаниями о том, что после отъезда посольства из Джурджани он пользовался услугами переводчиков. С помощью переводчика он общался с гузами (Ковалевский 1956, 126), и в частности — с командующим их войском Этраке (Ковалевский 1956, 129), с башкирами (Ковалевский 1956, 131), с булгарами, в том числе и царем (Ковалевский 1956, 132–134), с русами (Ковалевский 1956, 144–145).

В своей «Записке» Ибн Фадлан неоднократно приводит свои оценочные суждения относительно языков, на которых говорили те или иные народы, встречавшиеся им на пути следования на Волгу. Так, по его словам, хорезмийцы «самые дикие люди и разговору и по природным качествам; их разговор похож на то, как кричат скворцы» (Ковалевский 1956, 123); речь жителей поселения Ардакуа, расположенного в одной из двух путей от ал-Джурджани, «похожа на кваканье лягушек» (Ковалевский 1956, 12) русы, по словам Ибн Фадлана, говорили «речью, для меня непонятной» (Ковалевский 1956, 143–144).

В этой связи А. П. Ковалевский отметил решающее преобладание зрительного восприятия в тексте Ибн Фадлана (Ковалевский 1956, 115). Даже там, где Ибн Фадлан сообщает об услышанном им, он нередко пишет об этом как о зрительном ощущении: «Я видел, как торки рассказывали (об Этраке, начальнике войска у огузов — *И.К.*), что он у них сам покий нээздник» (Ковалевский 1956, 129); «я видел, что они (булгары — *И.К.*) считали очень хорошим предзнаменованием для себя завывание собак, радуются ему и говорят, где изобилия, благопосевия и благополучия» (Ковалевский 1956, 135) и т.п.

Отсутствие оригинала «Записки» Ибн Фадлана оставляет открытым вопрос о том, насколько точно в дошедших до нас версиях сочинения соблюдена его первоначальная композиция и что послужило рабочей основой для создания текста. Хотя Ибн Фадлан, в этом нигде не говорит, но само изложение, представляющее собой последовательную характеристику пройденных членами посольства населенных пунктов и описание непосредственных впечатлений Ибн Фадлана от увиденного, наводит на мысль о том, что ходу путешествия могли делаться дневниковые записи. Венгерский исследователь Мешедской рукописи К.Цегледи, сопоставляя порядок перечисления Ибн Фадланом гидронимов, с одной стороны, и сообщений о пребывании посольства у тех или иных народов — с другой высказал предположение, что Ибн Фадлан одновременно вел два дневника: в одном он фиксировал — в хронологическом порядке — наименования всех географических объектов (городов, рек, гор), встречавшихся на пути следования посольства, а другой заносил свои впечатления от увиденного и услышанного. При составлении Багдаде отчета о путешествии он разделил маршрут на отдельные отрезки и соединил их с сообщениями о народах, не заботясь о хронологическом порядке получившегося рассказа (Czegledy 1952, 221). По-видимому, редактор Мешедской рукописи проделал обратную работу: он опустил — как не представлявшие интереса для своих земляков — все описание путевых впечатлений Ибн Фадлана на маршруте «Багдад — Булгар», в результате чего эта часть отчета Ибн Фадлана приобрела вид обыкновенного дорожника. Такая манера составления сочинения открывала большие возможности и для автора: так и — впоследствии — для редактора или компилятора в части дополнения собственно отчета о поездке различными вставками из иных источников (письменных или устных).

В самом начале своей «Записки» Ибн Фадлан сообщает, что он опирался на личные впечатления и рассказывал «о том, что он сам наблюдал в стране тюрок, хазар, русов, славян, башкир и других [народов]». Тут же он приводит перечень тем, имевших для него первостепенное значение, — различие вероучений этих народов, сведения об их царях и положении их дел (Ковалевский 1956, 121).

А. П. Ковалевский полагал, что отмечаемая едва ли не всеми исследователями «Записки» наблюдательность Ибн Фадлана была не просто присущим ему качеством. Но делалась на его знакомство с тогдашней арабской литературой, посвященной путешествиям мусульман в разные страны, к примеру на широко известное в мусульманском мире описание путешествия Салмана ат-Тарджумани к стене Йаджуджа и Маджуджа (Ковалевский 1956, 49). Сопоставляя «Записку» Ибн Фадлана и разного рода сочинения о мусульманских путешествиях, А. П. Ковалевский выделил почти два десятка тем, общих для арабо-персидских авторов IX — первой половины X в. и сочинения Ибн Фадлана: качества различных народов; монеты, налоги и торговые пошлины; суд над мусульманами в неисламских странах; присутствие жены царя на официальной аудиенции, наказание за прелюбодеяние, воровство, разбой и гомосексуализм, похоронные обряды; застольные обычаи и пищевые привычки; личная гигиена; одежда; способы заботы животных; единорог и носорог и др. (Ковалевский 1956, 49–50). Он отмечал, что «если тематика и отчасти форма изложения Ибн Фадлана до некоторой степени определяются литературной средой (письменной и устной), то конкретное содержание своих рассказов черпал непосредственно из окружающей его действительности» (Ковалевский 1956, 51–52). В развитие этой мысли А. П. Ковалевский детально проследил, как Ибн Фадлан рассказывает местные легенды, «вплетая в них мусульманские элементы», такое описание северного сияния, народа великанов, живущего на крайнем севере у моря, а также единорога, обитавшего в стране «славян» (Ковалевский 1956, 52–67). Новейшие исследования этих сюжетов подтверждают выводы А. П. Ковалевского (Калинина 1994, 15–16; Калинина 1995, 134–139; Wamind 1995, 131–135; Калинина 2002, 91–96).

Если «общемусульманский» фон сообщений Ибн Фадлана достаточно очевиден, то установление источников его сведений о тех или иных народах Восточной Европы особенно принимая во внимание отсутствие оригинального текста «Записки», бывает затруднительно.

Наряду с многочисленными сообщениями, опирающимися на непосредственные визуальные впечатления Ибн Фадлана, в его сочинении есть довольно много данных, точниками которых являлись, по словам самого Ибн Фадлана, рассказы третьих лиц. В ряде случаев Ибн Фадлан добросовестно отмечает, делая ссылки на свои источники. К примеру, во время многомесячного пребывания в ал-Джурджани Ибн Фадлан и его спутники подружился с некоторыми из местных жителей, и именно от них он услышал рассказы о том, как там однажды от холода замерзли верблюды (Ковалевский 1956, 124). На рассказы местных жителей Ибн Фадлан ссылается и при описании религиозных представлений башкир (Ковалевский 1956, 131), народа вису (Ковалевский 1956, 135), истории некоего синдийца, оказавшегося в Булгарии (Ковалевский 1956, 137), великана (Ковалевский 1956, 138), единорога (Ковалевский 1956, 139–140), погребальных обычаев русов (Ковалевский 1956, 143).

Кроме того, в «Записке» встречаются сюжеты обобщающего характера — такие, как сообщения об организации власти, титулатуре и придворных обычаях. Источники этой

информации Ибн Фадлан никак не раскрывает. Можно предполагать, что для изложения этих сюжетов при описании огузов или булгар Ибн Фадлан мог раздобыть информацию на месте — визуальную или путем расспросов, тем более что как секретарь посольства имел возможность личного контакта с представителями властной элиты этих стран.

Относительно же характеристики русов и хазар этого утверждать нельзя. Хотя рус Ибн Фадлан видел в Булгарии (и это позволило ему описать их внешний вид и некоторые обычаи), но в замке у царя русов не был. Хазарию же посольство вообще объехало стороной. Остается признать, что часть данных о русах и все сведения о хазарах (если они действительно принадлежали Ибн Фадлану, как это утверждает Иакут) были собраны Ибн Фадланом во время пребывания в Булгарии. Одним из возможных его информантов был посол Алмуша из ал-Муктадири Абдаллах Ибн Балту ал-Хазари, который являлся, судя по его нисбе, этническим хазарином, но принявшим ислам и перебрывшимся в Булгарию.

В отличие от многочисленных ссылок на личные наблюдения и рассказы своих спутников по путешествию и местных жителей, Ибн Фадлан ни разу не ссылается на какие-либо письменные источники, если не считать письмо «царя славян» к халифу ал-Муктадиру, которое Ибн Фадлан либо сам читал, либо знал его содержание в пересказе Надра ал-Хурама — представителя халифа на переговорах с болгарским послом в Багдаде.

Будучи в Бухаре, где путешественники провели 28 дней, Ибн Фадлан в принципе имел возможность побеседовать с ал-Джайхани, вазиром Саманидского эмира Наср Ибн Ахмада (914–943) и известным географом, автором несохранившегося сочинения «Книга путей и стран», в котором приводилось множество сведений о народах Восточной Европы. В 921–922 гг. ал-Джайхани как раз заканчивал работу над составлением своей «Книги». К сожалению, из текста «Записки» непонятно, состоялась ли встреча или нет: хотя Ибн Фадлан и отмечает, что приемом посольства занимался именно Джайхани, но о личной встрече с ним ничего не говорит.

Судя по тексту «Записки», Ибн Фадлан при том, что он был весьма любознательным путешественником, «академического» интереса к странам и народам Восточной Европы не питал и вряд ли был знаком с арабской традицией описания народов Восточной Европы. Ко времени путешествия Ибн Фадлана эта традиция была представлена так называемой «Анонимной запиской», которая была составлена в последней четверти IX в. и вошла в состав не дошедших до нас арабских сочинений — полной редакции «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега и одноименного труда ал-Джайхани (об «Анонимной записке» см.: Lewicki 1977, 11–17). Свои личные наблюдения Ибн Фадлан ни разу не сопоставляет с данными об огузах, башкирах, хазарах, булгарах, русах, славянах, имеющимися в сочинениях мусульманских географов IX — начала X в. В сочинении Ибн Фадлана лишь однажды говорится, что ему довелось увидеть то, на что он уже давно хотел посмотреть: «Мне не раз говорили, что они (русы. — И К.) делают со своими гвардией при [их] смерти дела, из которых самое меньшее — сожжение, так что мне все время очень хотелось познакомиться с этим, пока не дошла до меня [весь] о смерти одного выдающегося мужа из их числа» (Ковалевский 1956, 143). Во всех остальных случаях Ибн Фадлан просто описывает то, что у него перед глазами, либо то, что он услышал по ходу путешествия.

При сравнении «Записки» с сочинениями арабских географов IX — начала X вв. сразу же бросается в глаза одна ее особенность. В тексте Ибн Фадлана практически нет

описаний, отражающих субъективное восприятие пространства, крайне редки указания на различия между населенными пунктами. Каждый народ описан сам по себе, без каких-либо то или было авторских заключений о взаимном расположении стран и населенных пунктов. Описание целником определяется маршрутом и впечатлениями его автора. Систематизация материала внутри описания, посвященного тому или иному народу, минимальна, и неизвестно, в какой мере она принадлежит ему самому, а в какой — его редактору. Непосредственность описаний Ибн Фадлана отражает впечатления человека, не обремененного какой-либо информацией, с которой он мог бы — при желании — сопоставить увиденное.

Об отсутствии у Ибн Фадлана интереса к самостоятельной оценке информации говорит в частности, употребление им терминов «сакалиба» и «булгар». Узнав в Багдаде, что посольство направляется к «правителю сакалиба», Ибн Фадлан по прибытии в Булгарию обнаружил, что «правитель сакалиба» в хутбе, провозглашаемой от его имени, именуется «Царем булгар» (Ковалевский 1956, 132–133). Он не стал выяснять этот вопрос, хотя постоянно сталкивался с тем, как ему именовать подданных царя — «булгарами» или «сакалиба». В результате Ибн Фадлан, как правило, описывает жителей Булгарии при помощи местоимения «они» или «жители его (Алмуша. — И К.) царства». Ибн Фадлан ни разу не говорит — по аналогии с описаниями других народов, — что он «видел» «сакалиба» или «булгар».

Литература

- Арапов Д. Ю. Исследователи «Записки» Ибн Фадлана в России (К 60-летию издания Путешествия Ибн Фадлана на Волгу) // Славяноведение. 1999. № 3. С. 3–14.
- Калинина Т. М. «Царь славян» Ибн Фадлана // ВЕДС. 1994. С. 15–16.
- Калинина Т. М. Термин «люди дома» («ахл ал-байт») у Ибн Фадлана по отношению к обществу русов // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 134–139.
- Калинина Т. М. «Великан» Ибн Фадлана и легенды о гигантах // ВЕДС. 2002. С. 91–96.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.
- Милшин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.
- Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / [Пер и коммент. А. П. Ковалевского] Под ред. Ю. Крачковского. М., Л., 1939.
- Czeglődy K. Zur Mescheder Handschrift von Ibn Fadlans Reisebericht // AOASH. 1952. T. fasc. 2–3. S. 217–242.
- [Frähn C. M.] Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit / Text und Übersetzung von C. M. Frähn. St. Petersburg, 1823.
- Lewicki T. Zrodla arabskie do dziejow slowianszczyzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź, 1977. T. II. Cz. 2.
- Warmind M. L. Ibn Fadlan in the Context of his Age // The Ship as Symbol in Prehistoric and Medieval Scandinavia / Ed. Ole Crumlin-Pedersen and Birgitte Munch Thya. Copenhagen, 1995. P. 131–137.

СОКРАЩЕНИЯ

ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР Т. Пашуто: Тезисы докладов (Материалы конференции). М.

ABSTRACT

The article deals with the question of Ibn Fadlan's sources about states and people in Eastern Europe, in particular – with his personal means of gaining information during his journey to the Volga-Bulgarians. The analysis is concentrated on such problems as Ibn Fadlan's linguistic possibilities, the circle of his interlocutors on the different stages of the journey, the correlation between his written and oral sources. In conclusion it is stated that the predominance of visual perception in the text of Ibn Fadlan's book, the absence of any author's reflection on the mutual location of different states and settlements that he has seen and the lack of attention on the part of Ibn Fadlan to the independent evaluation of the information collected

